

Отечественный историк-публицист В. Бондарев сказал об итогах русской революции: «“Изнасилование” было ужасно, но “ребёнок” родился крепким». Развивая эту жутковатую метафору, добавим: «новорождённый» прожил насыщенную жизнь и — по иронии истории — покинул этот мир в семьдесят с небольшим, в соответствии со сроком жизни среднестатистического россиянина.

«Красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец — или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? “Интернационал” ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлёвским веянием влагают новый смысл в “Интернационал”?», — задавался вопросом Н. Устрялов, по горячим следам революции всматриваясь в контуры возникающей Советской России. Дистанция в 100 лет не только не «снимает» эти отнюдь не риторические вопросы, но множит новые задачи, встающие перед исследователями. И ответы на них не могут быть «окончательными».

Роль обрушения ценностной вертикали прежней власти и замены её неосакральностью большевистского образца; реальность или утопичность демократической альтернативы в российской революции; причины слабости либерального курса и краха многопартийности; конспирология «заговора» в «подтексте» большевистского переворота; спор о сути большевизма (торжество архаики над «модерном» революции или утилизация традиционной «почвы» для целей модернизации?); ответственность общества перед культурой и культуры перед обществом на переломном этапе отечественной истории... Эти и многие другие политико-культурные темы по-своему прочитываются на каждом новом историческом этапе научного осмысления революции 1917 г. Инструментарий политико-культурного анализа как познавательной стратегии расширяется по мере прирастания исторического знания, актуализируя и «вчерашние», и «сегодняшние» смыслы феномена под названием «Великая российская революция».

Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи

Виталий Тихонов

Revolution of 1917 in commemorative practices and historical policy of the Soviet era

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В современном мире история — по-прежнему ключевой элемент этнической, политической и нередко социальной идентичности. На личностное «присвоение» прошлого давят «социальные рамки памяти» (термин М. Хальбвакса¹), т.е.

© 2017 г. В.В. Тихонов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-12025 а(ц).

¹Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

сильное влияние различных общественных групп и социальных институтов на индивидуальные воспоминания и представления граждан о прошлом. Именно эти «рамки» задают стандарты объяснения событий, тем самым придавая историческим фактам социально-политическое значение. Огромную роль в формировании таких «рамок» играет государство, обладающее мощными информационными ресурсами, а также возможностью подавлять конкурентов². Особенно ярко это проявляется в России, где роль государства традиционно сильна (при такой же традиционной слабости других социальных институтов) и именно оно претендует если не на монополию, то на доминирование в процессе формирования нужного образа прошлого.

События 1917 г. — ключевая для России историческая развилка. Они не только задали вектор развития на более чем 70 лет, но и оказывают непосредственное влияние на современность. К ним регулярно обращаются при осмыслении не только прошлого, но и будущего страны. Споры о революции не стихли до сих пор. Однако сохраняется значительный разрыв между научным осмыслением проблемы, когда Февральская и Октябрьская революции предстают единым процессом, и общественно-политическим сознанием, в котором две стороны одной медали жёстко разграничены и несут совершенно разную культурную и социально-политическую нагрузку.

Стоит подчеркнуть особое место революции 1917 г. в отечественной исторической политике. Тем не менее проблема символической (ре)актуализации данного образа редко становилась предметом специального анализа. Большое внимание в исследовательской литературе уделялось формированию мифа об Октябрьской революции в советское время³ и тому, как тесно он связан с культом Ленина⁴. Оба мифа составляют один большой миф о рождении СССР и начале советской эры.

Изучались коммеморативные практики, связанные с Октябрьской революцией⁵. Т. Шерлок проследил процесс включения Октября в идеологию перестройки как элемента её легитимации⁶. Наконец, общий обзор использования образа революции как элемента символической политики был дан Г.А. Бордюговым⁷ и О.Ю. Малиновой⁸. Серия ёмких публикаций о мифологизации истории революции принадлежит В.П. Булдакову⁹.

² Обзор теорий мемориальной культуры см.: *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

³ *Corney F.C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; L., 2004.

⁴ *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.

⁵ *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: Celebration in the Time of Stalin. Bloomington and Indianapolis, 2000. P. 149–174; *Рольф М.* Указ. соч.

⁶ *Шерлок Т.* Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М., 2014.

⁷ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 15–89.

⁸ *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 32–87.

⁹ *Булдаков В.П.* Феномен русской революции: между мифом и реальностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2005. № 4. С. 24–33; *Булдаков В.П.* Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 5–27; *Булдаков В.П.* Историк и миф: перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 54–65; и др.

Однако внимание исследователей в основном сосредоточено на правящих режимах и их исторической политике, из-за чего другие акторы общественно-политической жизни оказываются в тени. Стоит отметить и узость источниковой базы (впрочем, изучение проблемы только начинается). Ещё одной чертой складывающейся историографической традиции является отрыв дискуссий вокруг Октябрьской революции от аналогичных споров о значении Февральской. Между тем такой разрыв не позволяет понять всех нюансов и контекстов политических баталий, стратегий конструирования образов прошлого и т.д.

В качестве методологического фундамента предлагаемого очерка выступает широкий спектр теорий памяти, рассматривающих целенаправленный характер конструирования массовых представлений о прошлом¹⁰.

Актуальное прошлое: мемориализация революции в 1920-е гг.

Любая политическая сила стремится легитимировать себя, используя значимые для неё события. Отличительной особенностью революционного времени является чрезвычайно быстрая «символизация жизни»¹¹. Несмотря на краткость пребывания у власти сил, получивших её после Февраля, общественность молодой Российской республики успела запустить ряд мемориальных проектов. Низвергая памятники дореволюционной, «царской» культуры, она ставила свои, утверждая таким образом новые ценности¹². Вводились и новые праздники — так, 10 марта было объявлено «днём воспоминания о жертвах Революции и всенародным праздником Великой Русской Революции на все времена». Уже 23 марта на Марсовом поле в Петрограде состоялись торжественные похороны 184 жертв уличных боёв февраля¹³. Был объявлен конкурс на лучший памятник, в котором победил проект Л.В. Руднева. Правда, открыт был памятник только 7 ноября 1919 г. и служил уже, по сути, увековечиванию памяти борцов Октябрьской революции.

Мемориализация Февральской революции приобретала и религиозный характер. Так, 18 августа крестьянский совет «Освобождение земли» ходатайствовал перед Московской городской думой о предоставлении участка на Красной площади для постройки часовни в «память об освобождении от рабства»¹⁴. Учитывая огромное символическое значение кремлёвского комплекса, появление часовни должно было закрепить завоевания революции.

Политически значимым мероприятием считалась организация специального музея революции. Уже в марте 1917 г. было решено открыть Дом-музей в Петрограде и Музей Революции в Москве, которые должны были выполнять политико-просветительские и научные функции¹⁵. Любопытно отметить

¹⁰ См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Гл. 11. М., 2011; Ассман А. Указ. соч.

¹¹ Ямпольский М. Революция как событие смысла // Антропология революции. Сборник статей. М., 2009. С. 21.

¹² Святославский А.В. История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М., 2013. С. 281.

¹³ Чертилина М.А. Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в фотодокументах РГАКФД // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 45–51.

¹⁴ Святославский А.В. Указ. соч. С. 290.

¹⁵ Там же. С. 294–295.

и то, что Февральская революция подтолкнула к первому масштабному проекту сбора устных свидетельств о произошедшем. Инициатива исходила от петербургских историков А.Е. Преснякова и М.А. Полиевктова. Однако идея не была реализована из-за начавшейся Гражданской войны и переезда (по сути, бегства) Полиевктова в Грузию¹⁶.

Приход к власти большевиков запустил процесс нового «мемориально-культурного строительства». Уже 10 ноября 1917 г. у Кремлёвской стены заложили Революционный некрополь, в котором были похоронены 238 красногвардейцев, павших за советскую власть¹⁷. К первой годовщине Октябрьской революции (7 ноября 1918 г.) была организована серия мероприятий, включавших демонстрации, торжественные митинги (на крупнейшем выступил В.И. Ленин), а также установку памятников революционерам и общественным деятелям, писателям и поэтам, философам и деятелям искусств, идейно связанным с большевиками и признанным новой властью¹⁸.

В том же году была заложена традиция — предназначенные для демонстраций лозунги печатались в газете «Правда». Так контролировалось идейное наполнение годовщины. Поначалу доминировали мобилизующие на борьбу призывы, заметную роль играли и лозунги жертвенности во имя революции¹⁹. Отдельным элементом демонстрации стали портреты павших борцов, которые рекомендовалось дополнить следующими стихами: «Не нужно ни песен, ни слёз мертвецам: // Иной им воздайте почёт! // Шагайте без страха по мёртвым телам, // Несите их знамя вперёд!»²⁰. Лозунги всегда отражали политическую обстановку. В зависимости от ситуации усиливался то внешне-, то внутриполитический блок.

7 ноября 1918 г. в Москве, на площади Революции, открыли памятники Марксу и Энгельсу работы скульптора С.А. Мезенцева. На стене Кремля появилась мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов»²¹. Было выпущено 4 млн открыток с изображением лидеров партии большевиков и событий Октябрьской революции. Для широкого проката подготовили фильм «Годовщина Революции», который должны были показывать в разных городах 10 поездов им. Ленина с киноустановками²².

Уже первая годовщина показала, что символика Октябрьской революции тесно переплетается с фигурой Ленина. Покушение Ф. Каплан летом 1918 г. создало вокруг него ореол «мученика за Революцию», чудом выжившего после выстрела. Не были забыты и лозунги мировой революции.

Но разруха мало способствовала духовному подъёму граждан. Например, в Университете им. А.Л. Шанявского студентам предложили написать

¹⁶ Lyandres S. M.A. Polievktov and the First Oral Histories of the February Revolution // Lyandres S. The Fall of Tsarism. Oxford, 2013. P. 5–42.

¹⁷ Святославский А.В. Указ. соч. С. 336–337.

¹⁸ О нём см.: Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад. М., 2010. С. 911–921.

¹⁹ Тема жертвенности сопровождала революционный миф с самого начала. Это отчётливо проявилось уже в 1917 г. См.: Буддаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2. М., 2010. С. 171.

²⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ), ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 1.

²¹ Святославский А.В. Указ. соч. С. 324.

²² Еремеева С.А. Указ. соч. С. 921.

сочинение на тему «Москва в ноябре 1919 г.». Однако в большинстве работ обнаружилась не радость, а горькие рассуждения вроде: «Какая ужасная бесцельная жизнь. Разрушены все планы, намеченные в моей юности»²³. В условиях озабоченности выживанием становилось не до торжеств.

Ранние годовщины отличались масштабностью и театрализованностью. Например, в 1920 г. на площади Урицкого (ранее Дворцовая площадь) прошла инсценировка взятия Зимнего дворца, в которой участвовали до 6 тыс. человек²⁴. Но с наступлением нэпа настала эпоха экономии и средств на празднование отпускалось немного²⁵.

Тем не менее именно в 1920-е гг. в советской культурной политике, благодаря в первую очередь А.В. Луначарскому, коммеморации приобрели функцию утверждения новых ценностей и приобщения к ним человека, советизации его мышления²⁶. Популярными стали вечера воспоминаний революционеров, была организована Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Ист-парт) с многочисленными отделениями на местах. Особый акцент делался на личностное переживание Октября²⁷.

Деятели искусства внесли в торжества немалый вклад. Например, сценарии для них (правда, нереализованные) писали поэты С.А. Есенин, Д.Д. Бурлюк и др. Революционный миф увлекал многих служителей культуры²⁸. Благодаря деятельности представителей русского авангарда формировался «революционный культурный код», включавший узнаваемые графические, визуальные, звуковые и текстовые образы²⁹. Таковым стал, например, поезд, мчащийся вперёд.

На пятилетие закладывается ещё одна традиция. 24 августа 1922 г. Политбюро решило подготовить и выпустить сборник по хозяйственному и административному строительству в Советской России, призванный продемонстрировать достижения нового строя³⁰. Подобные издания впоследствии регулярно появлялись к очередным юбилеям (и постепенно начали вызывать иронию).

Относительная скромность эпохи нэпа в преддверии празднования «Великого юбилея» (десятилетия Октября) была признана неуместной. Критики указывали: революционные годовщины перестали вдохновлять людей, они скучны и незрелищны и т.д.³¹ Теоретики массовой культуры видели в торжествах способ борьбы за повышение производительности труда и против пережитков старого мира. К организации десятилетнего юбилея решили подойти со всей ответственностью. В ноябре 1926 г. учредили Центральную праздничную комиссию по подготовке и проведению празднования под руководством

²³ Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.Л. Шанявского / Публ. М.В. Катагощиной и А.В. Емельянова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. I–II. М., 1992. С. 364.

²⁴ Джурова Т.С. Театрализация действительности. «Взятие Зимнего дворца» Николая Евреинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 43–1(17). С. 104–107; Еремеева С.А. Указ. соч. С. 922.

²⁵ Рольф М. Указ. соч. С. 84.

²⁶ Там же. С. 259–260.

²⁷ Corney F.C. Op. cit. P. 202–203.

²⁸ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 151, 153–154.

²⁹ Савицкий С. Поезд революции и исторический опыт // Антропология революции. С. 373–399; Раку М. «Музыка революции» в поисках языка // Там же. С. 400–432; и др.

³⁰ РГИА, ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 4.

³¹ Рольф М. Указ. соч. С. 91.

М.И. Калинина³², а торжественные мероприятия должны были возглавить И.В. Сталин и В.М. Молотов³³.

В подготовленном комиссией специальным воззвании отражены многие положения, впоследствии ставшие каноническими при описании октябрьских событий. Например, тезис о руководящей роли партии, которая «в феврале 1917 г. возглавляла рабочих и солдат, штурмовала вместе с ними царские чертоги»³⁴. Далее, то, что ранее чаще всего именовалось «переворотом», получило официальное название «Великая Октябрьская социалистическая революция». Путь, пройденный Советской Россией за 10 лет, расценивался как прорыв из царства угнетения к новой жизни.

Юбилей сопровождался масштабной социальной программой. Была объявлена широкая амнистия, охватившая даже политических заключённых, обещалось ввести в эксплуатацию или начать строительство нового жилья. Для студентов учредили специальную «юбилейную» стипендию. Изготовили награды для участников революции и Гражданской войны³⁵. Большое значение придавалось планам в ближайшее время перейти на семичасовой рабочий день, которое руководством партии расценивалось как зримый пример достижений в социальной сфере. Эксперименты на ряде предприятий, как уверяли, доказали возможность этого шага, он даже был отражён в лозунге: «Наступающий капитал на Западе удлинняет рабочий день. Рабочие СССР завоевали в Октябре восьмичасовой день и идут к семичасовому рабочему дню!»³⁶.

Для успешного проведения мероприятий разрабатывались общесоюзные стандарты торжеств³⁷. Представителей провинции специально приглашали в Москву для обмена опытом и инструктажа. Юбилей должен был не только стать политическим триумфом большевиков, но и продемонстрировать торжество нового мира над старым, материальные успехи и изменения в сознании людей. Предписывалось «внедрить празднование в быт, для чего надо проводить кампанию за генеральную уборку жилищ и улиц, покупку обновок... всему празднику придать характер проверки», «отказаться от спиртных напитков на праздничных столах»³⁸.

Особенностью юбилея стало то, что он совпал с напряжённой международной обстановкой. Летом началась так называемая военная тревога, вызванная обострением отношений с Великобританией и ожиданиями начала полномасштабной войны с капиталистическими странами. В этой связи мероприятия приобрели заметный милитаризированный оттенок. Газетная информация о торжествах часто соседствовала с новостями о вводе в строй новой военной техники, звучали лозунги о необходимости вступления граждан СССР в Осоавиахим. Между тем революция 1925–1927 гг. в Китае всколыхнула надежды на мировую революцию. С высоких трибун вновь зазвучали оптимистичные заявления о том, что социализм вскоре завоеует весь мир.

³² Там же. С. 104–105.

³³ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 54.

³⁴ Там же, л. 56.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 85.

³⁷ *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 310–317.

³⁸ Цит. по: *Шаповалов С.Н.* Празднование партийных и государственных юбилеев на Кубани в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 178.

Непростой была и внутренняя обстановка. К тому времени стало ясно, что крестьяне сдадут заметно меньше хлеба, чем рассчитывали власти, что грозило серьёзным кризисом снабжения городского населения. «Головной болью» оставалась и оппозиция. Сторонники Троцкого активно, пусть и не всегда открыто, использовали для критики своих политических оппонентов метафору «преданной революции», выступая за смену политического и экономического курса. Вызывали опасение действия со стороны троцкистов — борьба за наследие Октября ещё не завершилось. Не случайно в перечне лозунгов встречаем и такой: «Кто нарушает единство ВКП(б), тот изменяет Октябрю. Долой раскольников и дезорганизаторов!»³⁹.

В демонстрации 7 ноября 1927 г. в Москве участвовало около 1 млн человек, по Красной площади прошли колонны военных (с духовым оркестром) и рабочих. Окрестные здания были увешаны плакатами, на которых красовались цифры достижений советского строя. С речами выступили М.И. Калинин и Н.И. Бухарин, на празднике присутствовали иностранные делегации⁴⁰. Юбилею старались придать и международное звучание — советские газеты чутко фиксировали факты солидарности зарубежных трудящихся с СССР в день юбилея, что было особенно важно в связи с «военной тревогой» и надеждами на поддержку рабочих капиталистических стран в случае войны.

В сценарий триумфа явно не вписывались выступления троцкистов в Москве и Ленинграде с лозунгами «Выполним завещание Ленина», «Повернём огонь направо — против нэпмана, кулака и бюрократа», «За ленинский Центральный Комитет» и др. Демонстранты были разогнаны, вскоре прошли аресты⁴¹. Впрочем, если в крупных городах торжества более или менее удались (хотя часто на них не хватало средств), то на селе их встретили сдержанно. Понимая, что для крестьян советский праздник остаётся чуждым, организаторы юбилея рекомендовали совместить его с Праздником урожая⁴². Несмотря на это, отчёты фиксировали скорее равнодушие людей, чем энтузиазм⁴³.

В юбилейный год вышел ряд фильмов, определивших канонический образ революции. Среди них — «Конец Санкт-Петербурга» В.И. Пудовкина и «Москва в Октябре» Б.В. Барнета. Но самым масштабным проектом стала картина «Октябрь» С.М. Эйзенштейна, премьера которого состоялась 7 ноября 1927 г. В тот же день, после разгона оппозиционных демонстрантов, из фильма пришлось удалить все сцены с Троцким. Тем не менее картина стала классической в отражении событий 1917 г.⁴⁴

Десятилетний юбилей Октябрьской революции, в свою очередь, стал эталоном для дальнейших коммеморативных торжеств⁴⁵. Отныне 7 и 8 ноября стали выходными днями (до этого нерабочим был только первый из них), что повышало значение праздника в глазах простых людей. В 1929 г. была проведена очередная реформа календаря и нерабочими были также объявлены 1 мая и день смерти Ленина (22 января). Так формировался «советский» годовой праздничный цикл. Вовлечение в него широких масс населения призвано

³⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 214, л. 88.

⁴⁰ Правда. 1927. 9 ноября.

⁴¹ Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 35.

⁴² Шаповалов С.Н. Указ. соч. С. 178.

⁴³ Рольф М. Указ. соч. С. 189.

⁴⁴ Романова О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции (URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549>; дата обращения 25.10.2016).

⁴⁵ Рольф М. Указ. соч. С. 8, 93.

было компенсировать сложности настоящего: «Создавалось пространство новых жизненных форм, призванных определить будущее. И шёл этот процесс скорее снизу, нежели сверху: праздник — это суррогат невозможного «чуда»»⁴⁶.

Интересно, что на протяжении всех 1920-х гг. 12 марта (День низвержения самодержавия) также был выходным. Но реформа праздничного календаря привела к тому, что это событие, прочно связанное с Февральской революцией, оказалось затушёвано и скоро потеряло свой статус и значение. По сути, был запущен механизм «забывания» февральских событий.

Революция по-сталински

1930-е гг. ознаменовались «сталинизацией» мифа о революции. Письмо «вождя» в журнал «Пролетарская революция» (1931 г.) окончательно закрепило миф о непогрешимости Ленина, якобы сумевшего в мельчайших деталях предвидеть победу большевистской партии в 1917 г. Это способствовало упрочению культа самого Сталина, который становился «Лениным сегодня». Более того, революционный миф должен был играть на утверждение актуальной идеологической повестки. Концепт «построения социализма в отдельно взятой стране» требовал переформатирования и мифа об Октябре как об отправной точке мировой революции. Сталин даже решился на критику Маркса и Энгельса: пусть когда-то они и были правы, утверждая, что пролетариат не имеет отечества, но Октябрьская революция создала первое в мире государство рабочих и крестьян, тем самым изменив положение вещей⁴⁷. Так Октябрь вписывался в контекст нарождавшегося советского патриотизма и частично «изымался» из концепции мировой революции, ассоциировавшейся с Троцким.

Утверждается традиция приглашать на годовщины и юбилеи делегации иностранных рабочих. Они должны были видеть достижения динамично развивающегося Советского Союза, противостоящего погрязшему в «Великой депрессии» капитализму, и избавляться от стереотипов западной пропаганды о советском строе. В.М. Молотов на торжественном собрании Московского совета 6 ноября 1931 г. заявил, что «линии развития социализма и капитализма идут в противоположном направлении. Социализм идёт победоносно вверх, на подъём. Капитализм всё больше запутывается в своих противоречиях и под тяжестью мирового кризиса теряет одну позицию за другой»⁴⁸.

Идеологическое перевооружение шло полным ходом. Для сплочения «Страны Советов» перед внешней угрозой всё большее значение приобретала актуализация исторических образов, способных воспитывать в духе преданности партии и стране. Правда, для этого пришлось обратиться к дореволюционной истории, поскольку внутрипартийная борьба привела к исчезновению из пантеона исторических героев многих из тех, кто делал революцию 1917 г. Наглядно данный феномен демонстрирует написание «Истории гражданской войны»: когда её первый том, вышедший в 1936 г., захотели переиздать в 1938 г., выяснилось, что в нём упомянуто очень много лиц, репрессированных в 1937 г.⁴⁹

⁴⁶ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть... С. 154.

⁴⁷ Бранденбергер Д. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. С. 40.

⁴⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 216, л. 56.

⁴⁹ Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 53.

Революция 1917 г., несмотря на официальное прославление, стала «неудобным прошлым», которое сложно инкорпорировать в прагматичную и очень подвижную идеологическую систему сталинизма. Гораздо проще было мифологизировать в нужном ключе давно ушедшее прошлое, чем то, что ещё было живо в памяти.

Ярким примером нового контекста стал 20-летний юбилей революции в 1937 г., проходивший на фоне усиливающегося русоцентризма в идеологии и обращения к истории как пропагандистскому ресурсу. Теперь гордость должно было внушать не только недавнее революционное прошлое, но и исторические и культурные достижения народов СССР, в особенности русских. Формировался пантеон выдающихся государственных и военных деятелей, представителей культуры и науки прошлого, подходивших для использования в советской патриотической пропаганде. Теперь 1917 г. становился началом не нового мира, а нового этапа великой русской истории и истории народов СССР.

В 1937 г. был опубликован учебник истории под редакцией А.В. Шестакова, закреплявший поворот к концепции континуитета между советским настоящим и дореволюционным (пусть и выборочным) прошлым. Масштабно отмечалось 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина⁵⁰, символа русской классической культуры. В сентябре на экраны вышла первая серия эпического фильма «Пётр Первый» В.М. Петрова. Образ «большевика на троне» опять-таки работал на утверждение связи прошлого и настоящего. Это не могло не сказаться на смысловом наполнении юбилея Октябрьской революции, всё больше терявшей роль символа классового освобождения и приобретавшей великодержавный оттенок.

Тем не менее юбилей был делом чрезвычайно серьёзным, особенно в условиях усиливающегося перформативного поворота идеологии. Комиссия по подготовке юбилея была создана за два года до его начала, аналогичные комиссии действовали в советских республиках и на местах. Их работа осложнялась репрессиями, что приводило к постоянным ротациям составов юбилейных комитетов⁵¹.

Накануне юбилея Институт Маркса, Энгельса и Ленина (ИМЭЛ) подготовил тезисы «XX лет Великой Октябрьской социалистической революции в СССР». Первоначальная версия включала неумеренные славословия в адрес Ленина и Сталина, но была отредактирована последним. Например, исчез следующий абзац: «Великая Октябрьская революция победила потому, что большевистскую партию создали и выпестовали гениальнейший из гениальнейших вождей пролетариата Ленин и его великий ученик и соратник Сталин»⁵².

Идейной основой юбилейных торжеств стала концепция Октябрьской революции как поворотного события в мировой истории в целом и истории страны в частности⁵³. Для демонстрации достижений советского строя Центральное статистическое управление выпустило сборник, в котором сравнивались 1937 и 1913 гг.⁵⁴ Естественно, цифры демонстрировали впечатляющий

⁵⁰ *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: Celebration in the Time of Stalin. Bloomington; Indianapolis, 2000. P. 113–148.

⁵¹ *Рольф М.* Указ. соч. С. 111.

⁵² РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 218, л. 26.

⁵³ *Petrone K.* Op. cit. P. 154–158.

⁵⁴ *Ibid.* P. 155.

прорыв — из «отсталой крестьянской страны» СССР стал индустриальной державой. Подчёркивался огромный рост социальной заботы государства.

7 ноября прошёл обязательный парад. Его сценарий был стандартным для всего Союза и включал в качестве самостоятельной части демонстрацию мощи Красной армии. После военных шли гражданские и ехала техника хозяйственного назначения. Все они проходили мимо трибуны, на которой присутствовала партийная и государственная элита. Празднование обязательно включало митинг⁵⁵.

20-летний юбилей использовали и для формирования нового образа творца революции. Ключевую роль в этом сыграл фильм «Ленин в Октябре» М.И. Ромма, pompезно представленный в декабре. Происходила канонизация образа Ленина, который из живого человека превратился в высший моральный авторитет. Сталин в фильме предстал как правая рука вождя мирового пролетариата, часто обращавшегося к нему за советом⁵⁶.

Международный контекст юбилея определялся очередным военным противостоянием. Испанская революция придала новый импульс революционной романтике: страна с напряжённым вниманием следила за происходящим, немало «добровольцев» участвовало в боевых действиях. Эти события часто сравнивали с революцией 1917 г. и последовавшими за ней Гражданской войной и иностранной интервенцией⁵⁷. Теперь в Испании сражались силы прогресса (коммунисты) и силы реакции (фашисты) — так это преподносилось в советской пропаганде. Сталин объявлялся лидером сил прогресса. Известный журналист М.Е. Кольцов писал в «Правде»: «Сталин виден даже из Мадрида... Он виден всему миру, он виден отовсюду, где людям хочется лучше жить... Мы голосуем за Сталина, а мир голосует за нас»⁵⁸.

Новые догмы утверждались и на уровне политпросвещения. Публикация в 1938 г. «Краткого курса Истории ВКП(б)», в написании которого личное участие принимал сам Сталин⁵⁹, закрепила этот процесс. Концепция состояла из следующих положений. Во-первых, Российская империя накануне Первой мировой войны объявлялась «полуколонией и слабым звеном фронта капитализма»⁶⁰, постулировался «глубокий кризис царского режима»⁶¹. Во-вторых, большевики объявлялись инициаторами и главными акторами революции (меньшевикам и эсерам отводилась сдерживающая роль), а кадеты — главной партией контрреволюции. В-третьих, победа революции объяснялась тем, что рабочий класс «возглавлял движение миллионных масс крестьян, переодетых в солдатские шинели»⁶². В-четвёртых, подчёркивалось единство партии большевиков, ведомой В.И. Лениным к закономерному успеху. Ленинской линии противоречили только одиночки — Каменев, Зиновьев, Рыков, Пятаков, Троцкий. В-пятых, всячески выпячивалась роль Сталина как руководителя октябрьского восстания. Фактически обосновывалась концепция «двух

⁵⁵ Рольф М. Указ. соч. С. 130—131.

⁵⁶ Petrone K. Op. cit. P. 163—165.

⁵⁷ Мухаматулин Т.А. «Мадрид 1936 года — это Петроград 1919 года» // Родина. 2011. № 12. С. 117—118.

⁵⁸ Цит. по: Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 44.

⁵⁹ Историю создания см.: «Краткий курс истории ВКП(б)»: текст и его история. В 2 ч. Ч. 1 / Сост.: М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2014.

⁶⁰ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1997. С. 156, 173.

⁶¹ Там же. С. 168.

⁶² Там же. С. 169.

вождей революции». Фигура Троцкого замалчивалась или подвергалась уничижительной критике. Утверждалось, что он стремился к развалу партии. В-шестых, Гражданская война рассматривалась как следствие интервенции единого империалистического фронта против «молодого советского государства».

Данные положения, оценки событий и личностей, хронологическая канва, прописанная в книге, легли в основу изучения революции до конца сталинской эпохи. Показательно, что в «Кратком курсе» Февральская революция стала называться «буржуазно-демократической» — определение, бытующее до сих пор⁶³. Схема «Краткого курса» закреплялась во втором томе «Истории гражданской войны»⁶⁴, получившем Сталинскую премию за 1943 г.

Итак, юбилей 1937 г. утвердил новый символический статус Октябрьской революции, которая представляла в виде довольно противоречивой диалектической конструкции. С одной стороны, она продолжала прогрессивные традиции прошлого, с другой — становилась поворотным событием в судьбах мира. Немаловажно, что революция всецело должна была играть на легитимацию власти Сталина. Его политические враги оказались попросту «изгнанными» из истории, а сам он объявлялся прямым наследником Ленина.

В годы Великой Отечественной войны образ Октября ещё больше оттеснили досоветские герои. В знаменитой речи 7 ноября 1941 г. на параде в честь 24-летия революции Сталин, упомянув про дело, дух и знамя Ленина, в качестве вдохновляющих примеров назвал полководцев прошлого. Из недавней советской истории он напомнил о тяжёлой ситуации 1918 г., когда три четверти страны оказались захвачены «иностранными интервентами» и «в огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь»⁶⁵.

В дальнейшем образ Октября утратил ведущие позиции в советской пропаганде. Ею использовалась, пожалуй, лишь история обороны Царицына под руководством Сталина в 1918 г., в которой виделась аллюзия на битву под Сталинградом⁶⁶. 25-летний юбилей отмечался более чем скромно. Запланированные мероприятия включали только публикации статей в центральной прессе, издание ряда книг, проведение собраний, лекций и бесед, научных сессий и повторный показ кинокартин о революции и Ленине⁶⁷. Принципиально не изменили ситуацию и послевоенные годы. Показательно, что 800-летие Москвы было отмечено с бóльшим размахом, чем очередной юбилей революции: если первое тщательно организовывалось, то для второго не создали даже традиционной комиссии⁶⁸; не публиковались и подготовленные тезисы⁶⁹.

⁶³ Булдаков В.П. Красная смута... С. 594.

⁶⁴ История Гражданской войны в СССР. Т. 2: Великая пролетарская революция (октябрь–ноябрь 1917 г.). М., 1943.

⁶⁵ Речь на Красной площади 7 ноября 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. С. 84–85.

⁶⁶ Тихонов В.В. Отечественная история как оружие пропаганды в условиях войны // Великая Отечественная — известная и неизвестная: историческая память и современность. Материалы международной конференции. Москва–Коломна, 6–8 мая 2015 г. М., 2015. С. 152–159.

⁶⁷ Письмо Г.Ф. Александрова А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову [6 октября 1942 г.] // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007. С. 395–397.

⁶⁸ Махнырев А.Л. Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945–1964 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 44.

⁶⁹ Там же. С. 57.

Учитывая описанный выше идеологический поворот, такие сбои в праздновании предстают не случайностью, а закономерностью.

В условиях возрастающей конфронтации с западными странами и внутренней кампании по борьбе с космополитизмом Октябрь стал позиционироваться как событие, спасшее страну от порабощения иностранцами⁷⁰. В то же время в революционный миф была инкорпорирована Великая Отечественная война, закономерную победу в которой объясняли наследием Октября⁷¹.

Актуализация революционного мифа в эпоху «оттепели»

Смерть Сталина и последовавшие за ней процессы десталинизации не могли не отразиться и на символическом наполнении образа Октября. Шаг за шагом происходило «очищение» революционных символов от фигуры бывшего «вождя». Наглядно это проявилось в праздновании 40-летнего юбилея революции. В противовес культу личности выдвигался «человечный, скромный» Ленин. Именно на «оттепель» пришлось новая волна увлечения интеллигенции ленинским наследием, в котором искали альтернативу сталинизму. В массовом же сознании «вождь мирового пролетариата» постепенно начал превращаться в «доброе дедушку Ленина».

Особое внимание уделялось научной пропаганде истории Октябрьской революции. Очень скоро выяснилось, что некоторые историки готовы начать демифологизацию революции не только в дозволенных рамках (нечётких и официально не очерченных, но оттого не менее жёстких). Скандал с журналом «Вопросы истории», вызванный статьёй Э.Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте—апреле 1917 г.», случился из-за того, что её автор продемонстрировал колебания в рядах большевиков в ходе тех событий, а также сотрудничество местных партийных ячеек с меньшевиками и эсерами. Это разрушало миф о монолитности партии и компрометировало её сотрудничеством с политическими врагами. 9 марта 1957 г. последовало специальное постановление ЦК КПСС с осуждением линии журнала.

В июне была разгромлена «антипартийная» группа. Непосредственно накануне юбилея в отставку был отправлен министр обороны СССР Г.К. Жуков. Не менее насыщенным фоном были внешнеполитические события. С одной стороны, происходило ослабление конфронтации с капиталистическим лагерем (это, в частности, выразилось в проведении летом в Москве Всемирного фестиваля молодёжи и студентов), а с другой — брожения в социалистическом лагере (венгерское восстание, волнения в Польше, Румынии). Наконец, в октябре на орбиту был выведен первый в истории искусственный спутник Земли.

Всё это так или иначе отразилось в официальных тезисах «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957 гг.)», опубликованных от имени Отдела агитации и пропаганды и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁷². В новых условиях они должны были стать не только отчётом и подведением итогов, но и программой на ближайшее будущее. Подчеркивались — уже больше по традиции — «небывалые успехи» развития СССР по сравнению с Российской империей 1913 г. Одновременно партия устанавливала

⁷⁰ Там же. С. 86, 91.

⁷¹ Там же. С. 92, 94.

⁷² Правда. 1957. 15 сентября.

новый ориентир — догнать и перегнать США по темпам развития экономики. Главным итогом Октябрьской революции называлось построение социализма, что предполагало скорый переход к строительству коммунизма.

Великая Отечественная война рассматривалась как важнейшая проверка революционного строя на прочность. При этом важно отметить, что, сделав упор на роль СССР во Второй мировой войне, власть считала нужным признать и заслуги союзников — США и Великобритании. Это был своеобразный жест доброй воли бывшим соратникам по антигитлеровской коалиции в свете Женевских соглашений 1955 г. Более того, утверждалось, что «в наше время война не является фатально неизбежной». Всё это давало сигнал как зарубежным партнёрам, так и гражданам СССР о постепенном ослаблении мобилизационного настроения последних десятилетий.

Ситуация в партии выразилась в пространном напоминании о борьбе против разнообразных уклонистов. Врагом объявлялся и современный ревизионизм, искажающий социалистическую идею. Примером был назван бывший премьер-министр Венгрии И. Надь.

Тезисы определяли идеологическое наполнение юбилея. Но написание коммеморативного сценария и его воплощение столкнулись с рядом проблем, вызванных отсутствием чётких указаний. Так, не вполне ясно было, что делать с фигурой Сталина (на всякий случай рекомендовалось во время торжеств вынести некоторое количество его портретов⁷³). Одновременно звучали призывы максимально показать народный характер революции, а не концентрировать её на вождях.

Важно указать, что не забыли и о Февральской революции⁷⁴. Конечно, по-прежнему подчеркивалось, что она была реализована силами большевиков, однако как символ демократизации хорошо вписывалась в идеологию «оттепели».

Особое место занимала международная программа юбилея. СССР стремился продемонстрировать открытость и готовность стать лидером «прогрессивного человечества». Советская пресса публиковала теоретические статьи представителей зарубежных коммунистических и социалистических партий, в том числе и бывших противников, вроде Югославии. 6 ноября на юбилейной сессии Верховного совета СССР присутствовали делегаты десятков стран мира⁷⁵. Юбилей стал ещё и смотром сил социалистического лагеря. Так, по инициативе нового венгерского лидера Я. Кадара, которому важно было продемонстрировать лояльность Кремлю, в параде приняли участие военные стран «народной демократии»⁷⁶.

«Оттепель» в политической и культурной жизни советского общества оказалась питательной средой для возрождения революционного мифа, и 40-летний юбилей стал одним из его мощнейших толчков. Не меньший вклад внесла кубинская революция, харизматичный лидер которой Ф. Кастро в 1961 г. заявил о стремлении строить социализм. Куба стала символическим продолжением Октября, породив в Советском Союзе неподдельный интерес к собственному революционному прошлому. События на острове, окутанные ореолом

⁷³ Махнырев А.Л. Указ. соч. С. 191.

⁷⁴ Там же. С. 193—194.

⁷⁵ Там же. С. 280. Приложение В.

⁷⁶ РГНИ, ф. 3, оп. 22, д. 235, л. 81—83.

романтизма, демократичности и борьбы с империализмом, воспринимались как своеобразная метафора «оттепельной» либерализации⁷⁷.

Революционная романтика возрождалась и на официальном уровне. Принятая на XXII съезде Программа партии провозглашала скорое построение коммунизма. На фоне общего социального оптимизма в советском обществе это не казалось чем-то абсолютно фантастическим, хотя сразу же вызывало массу саркастических откликов и прямой критики. Советские фантасты с энтузиазмом откликнулись на актуальный социально-политический запрос написанием многочисленных утопий⁷⁸. Самой известной из них стала «Туманность Андромеды» И.А. Ефремова, хотя критика ставила автору «на вид» именно отсутствие в его романе памяти о революции 1917 г.: «Люди будущего в его изображении слишком равнодушны к памяти о революционном героизме наших дней. Даже Великая Октябрьская революция, а также имена основоположников марксизма-ленинизма ими нигде не упоминаются»⁷⁹.

На 1960-е гг. приходится время искреннего, неформального обращения к образам революции. В театре на Таганке с аншлагами шла пьеса «Десять дней, которые потрясли мир», были написаны пьесы М.Ф. Шатрова «Именем революции», «Большевики» и др. Революционные метафоры охотно использовались в стихах А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко и других поэтов. Вышел на экраны фильм «Неуловимые мстители» (новая версия картины 1930-х гг. «Красные дьяволята»), пропитанный романтикой революции и Гражданской войны.

В то же время революция и лозунги верности её идеалам оставались ареной борьбы между властью и активной частью общества. Радикальное расхождение между пропагандой и реальностью приводило к тому, что люди начинали ностальгировать по прошлому, символом которого стал Сталин. Показательны массовые волнения во время ноябрьской демонстрации 1963 г. в Сумгаите, когда местные власти запретили приносить на парад портреты «вождя». Попытки отобрать самодельные плакаты привели к столкновениям демонстрантов с милицией. Портрет Хрущёва забросали камнями. Наиболее активные участники были арестованы и получили сроки⁸⁰.

В 1964 г. Хрущёва сместили. Новая политическая обстановка отличалась сложным переплетением различных тенденций и идейных поисков. С одной стороны, продолжалась инерция «оттепели», а с другой — наблюдались попытки осторожной реабилитации Сталина⁸¹. Публикация письма историков Е.М. Жукова, В.И. Шункова и В.Г. Трухановского, в котором ставилась под сомнение правомерность использования термина «культ личности», вызвала ответную реакцию в виде «письма 25-ти» с протестом против замалчивания сталинских преступлений.

Инерция «оттепели» проявлялась и в стремлении ряда интеллектуалов отказать от некоторых основополагающих мифов об Октябрьской революции.

⁷⁷ Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 2013. С. 78.

⁷⁸ Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Челябинск, 2012. С. 114–115.

⁷⁹ Дмитриевский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // Коммунист. 1960. № 1. С. 71.

⁸⁰ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе. Новосибирск, 1999. С. 392–396.

⁸¹ Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 65.

Большой резонанс вызвала статья публициста В. Кардина⁸², где доказывалось, что легендарного залпа крейсера «Аврора» не было. Это, впрочем, не помешало сделать крейсер одним из символов юбилейных торжеств в 1967 г. Корабль даже дал холостой залп по Зимнему дворцу.

50-летний юбилей стал демонстрацией возросшей технической мощи СССР. Накануне юбилея введены в эксплуатацию Останкинская телебашня, грандиозная гостиница «Россия». Над Москвой устроена огромная инсталляция: на дирижабле над Библиотекой им. Ленина был подвешен гигантский плакат с изображением Ленина, который подсвечивался в сумерках. Также прошли уже традиционные парады и митинги. Хитом по кассовым сборам стала приуроченная к юбилею кинокартина «Свадьба в Малиновке», показывающая Гражданскую войну в опереточном стиле. Таким образом, трагедия всячески затушёвывалась, превращаясь в романтико-героический эпос.

Но настоящим прорывом в «присвоении» Октябрьской революции не помнившим её поколением стала постановка пьесы «Большевики» в театре «Современник». «Вершина режиссуры Олега Ефремова — хором с залом петь “Интернационал”», — записал в своём дневнике сценарист Г.А. Елин⁸³.

1967 г. отмечен и случаем в истории советского футбола — курьёзным, но напрямую связанным с юбилеем. По итогам сезона из высшего дивизиона «вылетал» неудачник — ленинградский футбольный клуб «Зенит». Местная общественность и партийная элита подняли большой шум: неужели клуб из «колыбели революции» окажется в низшей лиге в год юбилея Октября?! В итоге было решено «спасти» «Зенит», увеличив количество клубов в высшей лиге⁸⁴.

Образ революции 1917 г. в брежневскую эпоху

В те же годы набирали популярность не только революционная романтика и интернационализм, но и почвеннические идеи. С конца 1960-х гг. вокруг журнала «Молодая гвардия», редактируемого А.В. Никоновым, сформировался круг публицистов национал-большевистского направления⁸⁵. Идеи, исповедуемые ими, получили завуалированную, но широкую поддержку среди партийных и государственных деятелей, а также интеллигенции. В своей идеологии «молодогвардейцы» попытались объединить революцию как ценностный символ и традиции русской истории. Так, В.А. Чалмаев сравнивал патриарха Гермогена, боровшегося с поляками в Смутное время, и Ленина, называя их «духовными отцами нации»⁸⁶. С.Н. Семанов объявил Октябрьскую революцию «бесценным национальным достоянием» — но в качестве стимула для развития русского народа и его культуры⁸⁷. В 1970 г. Никонов был снят с поста главного редактора за излишний пиетет перед дореволюционной Россией, но возглавил журнал идейно близкий ему А.С. Иванов.

⁸² Кардин В. Легенды и факты // Новый мир. 1966. № 2.

⁸³ Елин Г.А. Дневник. 7 ноября 1967 г. (URL: [http://prozhito.org/search/diaries/\[328\]/date/1967-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/\[0\]/](http://prozhito.org/search/diaries/[328]/date/1967-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/[0]/)).

⁸⁴ Прозументищев М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004. С. 354–355; Летопись Акселя Вартапяна // Спорт-Экспресс (URL: <http://www.sport-express.ua/football/rest1/news/285624-letopis-akselja-vartanjan-dva-ochka-za-shestsot-rublej.html>).

⁸⁵ Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.) // Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2015. С. 670.

⁸⁶ Там же. С. 674.

⁸⁷ Там же. С. 677.

Отповедь национал-большевикам попытался дать заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС (а с учётом того, что должность была вакантной, фактически его глава) А.Н. Яковлев. Он выступил против идеализации дореволюционного прошлого, «патриархальщины», разжигания русского национализма и забвения интернациональных идеалов⁸⁸. Подковёрная номенклатурная борьба привела к тому, что его выступление не получило поддержки, а статья была объявлена частным мнением. Вскоре Яковлева отправили в почётную ссылку послом в Канаду⁸⁹.

В 1970-е гг. Октябрьскую революцию, как главное событие советской истории, вытесняет Великая Отечественная война⁹⁰. Это было во многом связано с тем, что у власти находилось поколение ветеранов войны, для которых она была не просто символом, а частью биографии, на которой во многом строилась их социальная идентичность. К тому же, если революция и гражданская война априори разъединяли, то миф о Великой Отечественной войне играл объединяющую роль.

Правда, юбилей Победы в 1975 г. был отмечен более чем скромно⁹¹. В противовес этому юбилей Октябрьской революции в 1977 г. оказался очень масштабным. В том же году приняли новую Конституцию СССР, объявлявшую о построении «развитого социализма». По традиции к юбилею вводились в строй грандиозные объекты народного хозяйства, демонстрируя достижения советского строя. Выпускались многочисленные памятные сувениры. Выступление главы государства Л.И. Брежнева было выдержано в оптимистическом духе: достижения подчёркивались, а неудобные страницы истории бегло перелистывались⁹².

Память о Великой Октябрьской социалистической революции буквально пронизывала символическое пространство: монументы, пантеоны героев, о которых знали с детства, города и улицы, названные в честь революционеров и даже юбилеев революции. В младших классах школьники становились октябрятами — юный возраст и Октябрьская революция символически тесно переплетались. Как пелось в популярной песне, «и Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди». Октябрьской революции и Гражданской войне был посвящен почти весь школьный учебник истории для 10-го класса. Революционные символы проникали в повседневную жизнь: люди охотно поздравляли друг друга с очередной революционной годовщиной, причём для поздравлений использовались как раз стандартные фразы, почерпнутые из пропаганды. Вот только смысловое наполнение часто менялось, разрывая тем самым идеологическое единство⁹³. С одной стороны, это работало на укоренение ценностей Октябрьской революции, с другой — выводило их из сакральной сферы в профанную, постепенно лишая «высокого» смысла.

Естественно, Февральской революции повезло меньше. Советский режим не имел никакого резона актуализировать её образ. В массовом сознании

⁸⁸ Яковлев А.Н. Против антиисторизма // Литературная газета. 1972. 15 ноября.

⁸⁹ Патриотизм и национализм как факторы российской истории... С. 678–695.

⁹⁰ Копосов Н. Память строго режима: История и политика в России. М., 2011. С. 102–103.

⁹¹ Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти и власть // Победа-70: реконструкция юбилея. М., 2015. С. 33.

⁹² Малинова О.Ю. Указ. соч. С. 33.

⁹³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М., 2014. С. 242–243.

Февраль резко разграничивали с Октябрем. Тем не менее в научном дискурсе такое противопоставление осторожно осуждалось⁹⁴.

Однако тотальная пропаганда часто вызывала и отторжение, даже неприятие. В народе ходили издевательские анекдоты, песенки и про Ленина, и про революцию, не говоря уже о партии⁹⁵. Интеллектуальная элита всё скептичнее смотрела на современность. Члены партии повторяли заученные идеологические формулы, но вряд ли в них по-настоящему верили. Правда, сохранялась уверенность в том, что Октябрьская революция позволила перейти на новую стадию развития — нужно лишь исправить ошибки, допущенные недальновидным руководством, и социалистическое общество наконец-то будет построено. Особенно мощный импульс исходил от «шестидесятников». В этом проявлялся свойственный советскому обществу феномен «разномыслия»⁹⁶.

Революция повторяется: переживание революции в эпоху «перестройки»

Запуск «перестройки» как проекта радикального обновления советской системы потребовал возрождения революционного романтизма как мобилизующего фактора. Память об Октябре должна была сыграть роль в легитимации действующей власти и обеспечить свободу действий. Всячески подчёркивалось, что «перестройка» — это именно революция, поскольку в советской мифологии данный термин имел строго положительные коннотации⁹⁷. А поскольку революция прочно ассоциировалась с фигурой Ленина, его идейное наследие теперь противопоставляли догматике предыдущих десятилетий, искали в нём вдохновение и рецепты преобразований⁹⁸.

Большое значение в складывавшихся условиях приобрёл юбилейный доклад нового лидера М.С. Горбачёва. При обсуждении его итоговой версии среди высшего руководства страны вскрылся ряд противоречий в оценке исторических событий. Особенно остро встал вопрос о переосмыслении роли Февральской революции. Так, Б.Н. Ельцин и Н.И. Рыжков выступили против излишнего, по их мнению, выпячивания Февраля в ущерб Октябрю; последний предлагал «приглушить» февральскую тему⁹⁹.

Несмотря на возражения, тема Февраля прозвучала в докладе очень сильно. Он объявлялся «первой победоносной народной революцией», первым «опытом реального демократизма». Более того, отмечалось, что «Февраль уникален и по своей возможности мирного перехода власти в руки трудящихся, возможности, не ставшей, к сожалению, в силу исторических обстоятельств действительностью. Февраль был важнейшим историческим этапом на пути к Октябрю»¹⁰⁰.

⁹⁴ Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982. С. 121.

⁹⁵ Мельниченко М. Советские анекдоты: указатель сюжетов. М., 2014. С. 143–192.

⁹⁶ Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008.

⁹⁷ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 46–47; Шерлок Т. Указ. соч. С. 92–96.

⁹⁸ Шерлок Т. Указ. соч. С. 95.

⁹⁹ Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох: 1972–1991 годы. М., 2010. С. 57, 62.

¹⁰⁰ Горбачёв М.С. Октябрь и Перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящённом 70-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции, в Кремлёвском дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 6.

Почему было важно усилить позитивную оценку февральских событий? Привлекал их демократический потенциал. Кроме того, позитивная оценка «буржуазной» революции была очень кстати, если учесть, что именно в 1987 г. началось активное обсуждение дальнейшей модели экономического развития СССР¹⁰¹, в которой нашлось бы место рыночным факторам и институтам. Так ненавязчиво население подводили к мысли о том, что не всё «буржуазное» плохо. Что касается Октябрьской революции, то в докладе всячески подчеркивался её демократический характер, отсутствие догматизма её творцов. Не была обойдена и тема мобилизующей роли партии, готовности трудящихся сплотиться вокруг неё и «перетерпеть» трудности.

Общество остро почувствовало новые веяния. Писатель и сценарист Д.Н. Каралис так описал праздничный день: «70 лет Октябрьской революции. Ездил в город, ходили на салют. Народу — тьма. Движение на Невском остановлено. После салюта зашли с детьми на Дворцовую площадь — она в свете мощных армейских прожекторов. Почти не было пьяных. Шли до Садовой улицы, дурачились и кричали лозунги:

— Слава теоретику анархизма Бакунину! Ур-р-а!

— Слава князю-анархисту Кропоткину! Ур-р-а!

Мы с Максимкой кричали: “Слава перестройке!” и “Да здравствует перестройка!”. Максим даже охрип, бедняга. Молодёжь веселилась на славу. И откуда что бралось?

— Да здравствуют Советские вооружённые силы, самые вооружённые силы в мире!

— Да здравствуют советские микросхемы, самые крупные микросхемы в мире!

— Слава советским хлебобулочным изделиям! (Когда проходили мимо булочной).

— Слава советскому ремонту обуви!

— Да здравствуют советские бюрократы!

Я крикнул: “Да здравствуют советские неформалы — пружина перестройки! Ур-р-а!” Хотел ещё крикнуть: “Позор советским проституткам! Ура!”, но Ольга запретила. Народ раскован, весел, полон энергии — раньше такого не было»¹⁰².

В этих условиях 70-летний юбилей Октябрьской революции становился важным элементом пропаганды «перестройки». Но обращение к символике Октября запустило и ряд процессов, работавших на эрозию системы. Во-первых, раскол партийной элиты на «консерваторов» и «демократов»¹⁰³ заставил последних апеллировать к массам и в стремлении привлечь их на свою сторону всё более расширять пространство свободы слова. Либерализация напрямую коснулась и прошлого: «Отказ от контроля над советской историей... частично был обусловлен признанием реформаторами того, что достоверная информация о прошлом необходима для адекватного обсуждения альтернативы будущего развития, поскольку исторические мифы выполняли консервирующую

¹⁰¹ Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М., 2008. С. 185.

¹⁰² Каралис Д.Н. Дневник. 1987. 7 ноября (URL: [http://prozhitto.org/search/diaries/\[251\]/date/1987-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/\[01\]/](http://prozhitto.org/search/diaries/[251]/date/1987-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/[01]/)).

¹⁰³ Шубин А.В. Трансформация элит в период перестройки // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М., 2007. С. 93.

функцию»¹⁰⁴. В условиях реализации лозунгов гласности и, как следствие, формирования более плюралистического общественно-политического пространства юбилей заставлял оглянуться назад и оценить достижения советского строя. Многие делали неутешительные выводы...

Тем не менее в 1987–1988 гг. мифология Октября всё ещё играла объединяющую роль. Не случайно Ю.Н. Афанасьев в интеллектуальном бестселлере эпохи сборнике «Иного не дано» писал: «Вступление на путь радикальных преобразований, совпавшее с 70-летним юбилеем Октября, заставляет всех нас призадуматься, осмыслить пройденное и достигнутое. Несмотря на всё пережитое обществом до сегодняшнего дня, в нём сохраняется присущее нашим людям духовное единство, питаемое импульсами, которые исходят из Октября 1917-го»¹⁰⁵. Но клятва верности идеалам Октября не распространялась на действующий режим. В той же статье автор заявил, что в существующих учебниках по советскому периоду нет «ни одной нефальсифицированной страницы»¹⁰⁶.

Во-вторых, революционная риторика неизбежно радикализировала общество¹⁰⁷. Метафора революции играла отнюдь не на стабилизацию ситуации, наоборот, революционный процесс всегда противостоит стабильности, защитницей которой выступала партийная номенклатура. Особенно сильно радикализация коснулась, в силу возрастных и социальных особенностей её положения, молодёжи. Пользовавшиеся в конце 1980-х гг. бешеной популярностью отечественные рок-группы активно использовали образы революции в своих песнях — если и не явно антисоветских, то уж точно протестных. Лидер группы «ДДТ» Ю.Ю. Шевчук в хите «Революция» воспевал революционную романтику: «В этом мире того, что хотелось бы нам — нет! Мы верим, что в силах его изменить — да!»

И, наконец, в-третьих, юбилей подтолкнул к переосмыслению наследия Октября широкими кругами интеллектуалов от историков до публицистов. Согласно законам функционирования символической реальности, для уничтожения господствующего дискурса необходима его деконструкция¹⁰⁸. Она заключается в разрушении сложившихся мифологических конструкций или включении их в новый контекст. Собственно говоря, именно процедура деконструкции (осознанно и неосознанно) и была проведена в отношении революции как символа, в чём большую роль сыграли многочисленные разоблачительные статьи публицистов о революции в стиле «как это было на самом деле», дискуссии профессионалов и любителей.

Государство перестало быть монополистом в наполнении смыслами революционных символов. Наоборот, они стали использоваться в целях дискредитации действующей власти. Так, рок-группа «Аквариум» при участии группы художников «Митьки» сняла в 1988 г. видеоклип на песню «Поезд в огне», где метафора локомотива-революции подавалась в негативном ключе — как

¹⁰⁴ *Шерлок Т.* Указ. соч. С. 54, 59.

¹⁰⁵ *Афанасьев Ю.Н.* Перестройка и историческое знание // *Иного не дано*. М., 1988. С. 491.

¹⁰⁶ Там же. С. 498.

¹⁰⁷ *Елисеева Н.В.* Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985–1991 годы // *Гефтер*: Электронный журнал (URL: <http://gefter.ru/archive/7823>; дата обращения: 25.10.2016).

¹⁰⁸ См.: *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентации доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

события, сломавшего естественный ход истории¹⁰⁹. Революционный дискурс стал одной из главных причин радикализации масс в «перестроечные» годы. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда система исторических мифов, созданных правящим режимом, перестала играть на его сохранение и начала разрушать его изнутри.

В общественном пространстве альтернативой мифологии Октября стала мифология дореволюционной России. Её проводниками выступили разные, часто непохожие силы: и общества сохранения культурного наследия, и нарождающиеся националистические движения, и «демократы», видевшие в России начала XX в. здоровую альтернативу и нереализованный потенциал. В ситуации, когда воспитанные на карикатурно негативном образе Российской империи граждане узнавали, что всё было не так уж плохо, возникал миф о «России, которую мы потеряли», спустя некоторое время воплощенный в одноимённом фильме С.С. Говорухина. Революционеру-разрушителю Ленину противопоставлялась фигура реформатора П.А. Столыпина — твёрдого политика, способного противостоять беспорядкам¹¹⁰. Естественно, революция быстро теряла своё ценностное значение и из величайшего исторического прорыва превращалась в трагедию, погубившую страну.

На протяжении последних лет существования СССР происходило неудержимое «размывание», деконструкция символического статуса Октября. В этом процессе принимали активное участие различные социальные и профессиональные группы, часто имевшие противоположные интересы и цели, но объективно оказавшиеся на короткое время по одну сторону баррикад. В результате политическая легитимность режима, основанная на мифе об Октябре, оказалась поставлена под сомнение, а коммунистическая идентичность, являвшаяся стречем советского общества, перестала быть привлекательной для большинства. Перестройка, потеряв опору в прошлом, не сумела обрести её в современности. Вместо успехов реформ люди видели пустые полки и очереди.

Ноябрьские демонстрации незаметно перестали быть праздником единения народа и партии. Символично, что именно на демонстрации 7 ноября 1990 г. на Горбачёва было совершено покушение: в него пытался выстрелить из обрез ленинградец А. Шмонов, которому успели помешать сотрудники милиции. Свой поступок он объяснял падением уровня жизни, а также обвинял Горбачёва в убийстве людей во время разгона апрельской демонстрации 1989 г. в Тбилиси¹¹¹.

Правда, в 1989 г. 62% опрошенных назвали Октябрь 1917 г. одним из самых значимых событий в истории страны¹¹², однако из формулировки не очень понятна оценка. Потерял своё былое обаяние и Ленин, о чём свидетельствует, к примеру, опрос, проведенный в Ленинграде в 1990 г. На вопрос «Назовите, пожалуйста, двух—трёх государственных деятелей прошлого, которые наиболее симпатичны Вам», респонденты чаще всего указывали Петра I, Ленин же оказался лишь на пятом месте, пропустив вперёд американских президентов

¹⁰⁹ Савицкий С. Указ. соч.

¹¹⁰ де Кегель И. Исторический дискурс и общественность эпохи перестройки: дебаты о реформах Столыпина // Советская общественность в эпоху перестройки (1985–1991). М., 2009. С. 123–143.

¹¹¹ Мухаматуллин Т. Как пытались убить Горбачёва // Газета.Ру (URL: http://www.gazeta.ru/science/2015/11/07_a_7877645.shtml).

¹¹² Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М., 2011. С. 49.

Ф. Рузвельта, А. Линкольна и Дж. Вашингтона¹¹³. Как видно, ценности капитализма и либерализма оказались привлекательнее ценностей коммунизма. Конечно же, необходимо учитывать популярность либерально-демократических, прозападных взглядов в Ленинграде того времени, но то, что «колыбель трёх революций» и «город Ленина», по сути, отверг своего патрона — глубоко символично.

Стоит отметить ещё, что советские граждане, воспитанные на историческом материализме, верили в непреложные закономерности. Они помнили, что Октябрьская революция переросла в Гражданскую войну. В начале 1990-х гг. многим на горизонте мерещился призрак нового братоубийственного конфликта (и не без оснований). Восприятие Октября в столь нервной обстановке просто не могло оставаться положительным.

Подводя итог, констатируем, что за более чем 70 лет правления большевиков была создана индустрия памяти о революции 1917 г., в зависимости от контекста и актуальной политической ситуации то оказывавшейся неудобным прошлым, то наполнявшейся новыми смыслами. В любом случае она оставалась ключевым элементом советской идеологии и играла важнейшую роль в формировании советской идентичности, а посвященные её коммеморации служили оплотом мифа. Но постепенно агрессивный миф, призывающий к мировой революции и радикальному переустройству общества, терял свой мобилизующий заряд. По мере его выхолащивания слабела и символическая мощь советской власти.

С развалом СССР миф о революции потерял официальный статус. Более того, пришедший к власти политический класс постарался наполнить его негативными коннотациями, представив как событие, нарушившее нормальное развитие России. С середины 1990-х гг. место центрального исторического мифа окончательно заняла Великая Отечественная война, а политика памяти оказалась направлена на вытеснение образа 1917 г. из массового исторического сознания, замену его патриотическими и государственническими символами. Всё меньше людей называли революцию важнейшим событием отечественной истории. Заметное оживление наблюдается лишь в наши дни, в преддверии столетнего юбилея событий. Очевидно, что споры вокруг революции и борьба за её интерпретацию только усилятся. К сожалению, доминирует не научный взгляд, а различные политические оценки, как правило, конспирологического характера.

¹¹³ *Копосов Н.Е.* Указ. соч. С. 172.